

18+

Елена Новикова

КАМЕННАЯ КНИГА

Елена Новикова
Каменная книга

«Издательские решения»

Новикова Е.

Каменная книга / Е. Новикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961799-6

В Каменную книгу петербургского автора Елены Новиковой вошли рассказы, три из которых публиковались в журнале Бориса Стругацкого «Полдень XXI век». Тем не менее по жанру их нельзя отнести к фантастике в строгом смысле этого слова, хотя герои и действуют в необычных обстоятельствах. Рассказ «Грант» публикуется впервые. Книга дополняет Кирпичную книгу.

ISBN 978-5-44-961799-6

© Новикова Е.
© Издательские решения

Содержание

СТРЕЛОЧНИК	6
АННА И ЗОЯ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Каменная книга

Елена Новикова

© Елена Новикова, 2019

ISBN 978-5-4496-1799-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТРЕЛОЧНИК

Катрин спала в домике-будке рядом с какой-то Богом забытой железнодорожной веткой, еще не старая, парализованная и с вымытой головой. Ее сожитель – стрелочник – поставил на плитку вычищенный до блеска алюминиевый кофейник, исполняющий роль чайника, а меня усадил на самодельную табуретку рядом с постелью.

Удивило, что нет запаха болезни, давно немывтого тела. Видно, этот человек ухаживал по-настоящему. Чистыми были даже простыни, и за окном виднелась веревка с сохнувшим бельем.

Осень, веревки с бельем, уже начинающие вянуть бледные и мокрые хризантемы (отцвели уж давно..., да нет, еще не отцвели, в том-то и ужас, что есть еще время на цветенье, но надо торопиться, а как торопиться, если не можешь даже встать с кровати... да и кровать-то тоже плач – с панцирной сеткой, на которой уложена толстая фанера с пользой для позвоночника, хотя какая ему уже польза... да). Еще была рябина у железной дороги – ягоды яркие, драгоценные, а листья ржавые уже, скоро облетят.

Стрелочник по-своему красив – седые, давно не стриженные волосы, отросшая черно-белая щетина, почти борода. И из всей этой поросли-заросли – внимательные острые глазки, чуть, пожалуй, мелковатые, но не Спящую же красавицу ему целовать.

Хотя красавица действительно спала, и лицо ее было свежим, как у младенца, а волосы около лба (подшерсток такой) немного вспотели и завились колечками. На вид ей не дать и тридцати, но я-то знаю, что – сорок. Как ни крути, а годы-колокола гудят на всю округу, оповещая. Да-да, морщинки около рта и у глаз, все правдоподобно.

Катрин мне нисколько не удивилась. Словно жизнь давно превратилась в сон, где все реально – откроешь глаза и окажешься где-нибудь... у Красного моря, с рыбами-кораллами, в неправдоподобном Египте. А тут всего лишь я, одноклассница из ныне живущих.

В нашем детстве в Город привозили сокровища из гробницы Тутанхамона, говорили – Египет. Ничего не говорили про море и рыб, про коралловые рифы. Говорили «Фараон», а про арабов нищих на плантациях с помидорами – не говорили. Очередь тянулась «от забора и до обеда» – 7 часов, на Дворцовой площади народу было как 25 октября 1917 года в фильме Эйзенштейна.

Чайник-кофейник вскипел, и Стрелочник разлил это в три граненых стакана, вставленных в дешевые подстаканники с оленями. Олени были горячие, наверное, горячее, чем сам стакан, хотя так не бывает. Я достала из сумочки гостинцы к чаю – вафли, орешки в сахаре – то, что любила Катрин много лет тому назад.

Да, Катрин не удивилась. А я так обалдела от этого неудивления, что забыла, что собиралась сказать. Заготовлено было что-то вроде «да, и такое случается», а тут ничего такого не случилось, сидит на табуретке бывшая одноклассница, материализовалась лет через -дцать, пьет чай. Я попыталась представить, каков портрет нарисовался перед Катрин – мой.

Острые локти, джинсовая рубашка, мальчишеская стрижка. Седые волосинки я уже перестала выдергивать, но и покраситься не собралась. Ноль косметики. Да. Зато духи японские, дареные, с кусачим названием – Kusado Sensu. К духам я всегда питала слабость, они словно та крепость, в которой можно укрыться от окружающего мира, не то чтобы совсем, но – перед миром на огневой позиции предстаю уже не я, а оно – легкое дрожание воздуха. Нужно сказать о ногах – их не видно. Широкие мягкие брюки, в них удобно прятаться. Кожаные туфли без каблуков, дорогие. И в довершение темные очки, не как сейчас модно, а совы-лупоглазики такие, огромная оправа с выпуклыми стеклами.

Стрелочник усадил Катрин поудобнее на подушку. Собственно, парализована у нее только одна нога, а руки в красивом маникюре полны жизни, и мизинец оттопыривается, как и тогда (видно, бабушка объяснила, что так поступают благовоспитанные барышни, и жест заучен, как азбука), когда она подносит чай к пухлым губам.

В той жизни Катрин была Катериной, Катенькой, пушистой девочкой в коротенькой школьной форме и с большим ключом на веревочке. Этим ключом она отпирала квартиру, когда родители были на работе. Дома ее ждал обед под румяной «бабой», такой специальной куклой из поролона, вместо термоса. А под юбкой у бабы кастрюлька с удивительно пахнущей домашней котлеткой и пюре. Или с борщом. Или макароны по-флотски. Это всегда было вкуснее, чем еда у меня дома, где бабушка готовила, читая книжку, и скидывала в суп сырые овощи без любви и ласки. Катя делилась вкусным обедом, потом мы шли гулять, кататься на качелях или играть в «стрелки». «Стрелки» были замечательной игрой, сейчас дети так не играют. Да и можно ли увидеть на улице детей без взрослых? Если видишь, сразу беспокойство, страх. А «стрелки» похожи на «прятки», только прятаться можно очень далеко, рисуя свой путь стрелками на тротуарах, стенах домов и гаражей – мелками. Преследователь должен заметить все стрелки и каждый раз правильно поворачивать, похоже на ориентирование, да.

Катя бежала, бежала, поворачивая то вправо, то влево. Стрелка на подвальной двери, стрелка на перилах крыльца, на скамейке. Я тоже бегу, тороплюсь. Вот стрелка прямо на шоссе, бегу вдоль. Вот и лес, так называемая Орлова роща, и правильность движения подтверждает стрелка на стволе сосны... Бегу дальше...

Нет, мы не заблудились. Я действительно отыскала притаившуюся в густых кустах Катю, и мы решили строить шалаш. Шалаш мог пригодиться, если придется заночевать в лесу. Когда-нибудь, в следующий раз. Наломали еловых веток, нашли длинные палки для опоры, соорудили крышу. Если дождь не сильный, капли будут скатываться по хвое. А если сильный см. Ниф-Ниф, Наф-Наф и Нуф-Нуф... Из еловых же веток настелили пол, забрались внутрь, колется сквозь колготки. Снова вылезли, набрали заячьей капусты (интересно, как на самом деле эта травка называется?), сидим, жуем – кисленько.

Из леса вышли, когда уже стало темно. Сколько времени? Что?! Меня же убьют! Мама возьмет ремень с железной пряжкой и будет бить, пока я не умру. Лучше я умру сама. Катя, как ты думаешь, какая смерть легкая – чтобы сразу? Она задумалась, почесала пухленький носик. На куколку Катя похожа, заграничную. Если броситься под машину, успеют затормозить и только кости переломают, скучно. Таблетки глотать – так вырвет и все дела. Ну не вешаться же, не висеть с вывалившимся языком, синяя в сумерках? День между тем очень быстро сматывает удочки – клева нет, наверное.

– А, может, тебе с крыши спрыгнуть? – это Катина идея, гениальная. Лететь несколько секунд и – все!

– А если кто-нибудь внизу пойдет и случайно поймает?

– Прыгать нужно в темноте!

До полной темноты время еще есть, идем к Кате. Пришли с работы ее родители, такие веселые. Папа нет-нет и начинает песню петь, а мама (конечно, красавица) подпевает.

– А вы, девочки, что стоите? Заходите, выпейте с нами!

Катя идет к холодильнику, достает кусок сыра.

– Будешь?

Странная мысль – зачем есть, если даже перевариться не успеет, ведь все уже решено. Но сыр беру, вкусный. Катины родители завели пластинку и танцуют.

– Пора, – говорит Катя, – пойдём.

Выходим из дома, клены машут ветками, тени от фонаря бегут по земле. Поднимаемся на пятый этаж пешком, дом без лифта. Домов выше в окрестности нет, это позже построили

две девятиэтажки. Чердак открыт (тогда все чердаки были открыты), вот и крыша. Почему-то страшно вылезать через окошко, вылезаем. Подходим к краю крыши. Смотрю вниз.

– Ну что? Когда прыгать будешь? – это Катя спрашивает.

– Страшно, – отвечаю.

– А чего бояться? Это быстро. Давай! Дольше будешь стоять, страшнее будет.

– Я пока посижу здесь, мне подготовиться нужно. Ты, если хочешь, иди.

– А куда мне идти? Эти напились, скоро драться будут. Потом целоваться. Я уж подожду, пока заснут.

Сидели рядом. В доме напротив загорались окна, мы их считали, такое занятие. Потом погуляли по чердаку. Видели старую коляску в пыли, пачки макулатуры, велосипедное колесо и ломаный пружинный матрас. Из макулатурной пачки выковыряли детскую книжку про Серую Шейку, стали читать вслух. Очень стало ее жалко, а потом мне себя стало жалко, что я такая еще маленькая, а уже нужно умирать.

– Нет, ты не личность! – сказала Катя, – ты на поступок не способна.

– Не способна, – согласилась я, всхлипывая, и отправилась домой.

Дома меня затащили в ванную и раздели, мама разглядывала со всех сторон, я не понимала, зачем. Когда я стала большая, я написала про этот чердак белый что ли стих, в котором эта история рассказана.

В каждой жизни есть чердак, где сушатся белые простыни. Добрая теплая пыль, молекулы времени. Сумрак прорезан прожектором, на свету молекулы оживают, мотыльки-однодневки, сомнамбулы, мир сновидений и призраков.

Маленькая я сидела на чердаке, свесив ноги в пространство. Не помню, в чем была моя провинность (кажется, убежала в лес, жить, собирая ягоды и грибы), что я предпочла чердак ужасному возвращению домой. Внизу копошились пешеходы, я испугалась, что кто-нибудь меня поймает. Прыгать нужно в темноте, – решила я и передо мной забрезжила перспектива нескольких счастливых часов. Я пошла на качели. Взлет, паденье, захлебываюсь от смеха, юбка как парус для дальних странствий и пронзительно-голубое небо. Мне стало грустно.

Родители были похожи на хроматическую гамму, когда я вошла с мордой в пыли. Потом меня били. Я любила молчать, когда бьют. Когда меня ставили в угол, мне нравилось лизнуть обои на изгибе стены и ждать, когда растает темное пятнышко.

Я промолчала тогда о Катрин, Кате, которая стояла рядом и ждала, когда я спрыгну. Она бы посмотрела на лежащее внизу в неестественной позе тело, на лужицу крови у левого уха. Медленно спустилась бы с лестницы, обошла мой труп. Очертила бы его, как это делают криминалисты в новостях и фильмах. Розовым мелком по асфальту. Неспешной походкой двинулась к дому. Своими ключами открыла бы дверь, и перешагнув через маму с фингалом, в обнимку с папой лежащую посреди коридора, заперлась в своей комнате, так, на всякий случай. Легла спать... Сразу бы не заснула, а, пошарив в ящике письменного стола, нащупала бы за коробкой с цветными карандашами заначку – шоколадные конфеты (они всегда там были, она угощала). Съела конфетку, повернулась лицом к стенке, к пушистому коврику. Тише, Катрин спит...

Катрин, допив чай, поинтересовалась:

– А ты что, работаешь в интернет-агентстве? Мне нужно дать объявление, брачное. Хочу замуж за европейца, голландца, например, или австрияка какого-нибудь. Знаешь, у меня шансов много, у меня очень красивые ногти на ногах! И она выставила из-под одеяла живую ногу и пошевелила пальцами. Ногти были розовые и круглые. – Не буду же я до скончания века лежать здесь, а у них есть специальные инвалидные коляски...

– А как же он? – я кивнула в сторону Стрелочника.

Катрин пожала плечами.

* * *

Стрелочник между тем бродил по двору, подыскивая дела по хозяйству. Посплетничайте, мол, бабы. И как всегда, когда не о чем говорить, беседа плавно потекла вокруг общих знакомых. Кто развелся, а кто купил дом в Калифорнии. Кто женился на девушке-татарке и теперь владеет табуном. А Вера Нефедова родила четверых, кто бы мог подумать?! А Васька, Ваську-то помнишь из десятого Б? Он теперь крупная шишка в каком-то банке, ездит на авто с непронишимым названием Land Rover.

Ну что ж, функция выполнена. Оказавшись «в тех краях», я навестила одноклассницу-инвалида. Между прочим, не так уж это и просто, сюда добраться. Вот Стрелочник машет рукой, показывая на часы – пора ехать.

Ехать нужно на дрезине. Потому что эту будку даже полустанком-то не назовешь, поезда здесь не ходят. До ближайшей железной дороги с регулярными – раз в три дня – дизелями километров 60 лесом. Но пути в порядке, для того Стрелочника и держат, чтобы однажды по тайному приказу провезти в этот аппендикс состав с ядерным топливом, еще дальше в лес, на базу за бетонным забором, откуда Последний Главнокомандующий Мира будет дирижировать Последней Войной.

Все это мне Стрелочник рассказал еще по дороге сюда, мы ехали на дрезине по пустынному лесу, и самым живым казался звук мотора. И я подумала еще, что он не такой уж сумасшедший, Стрелочник, придумавший себе страшное служение, так как служба слишком скучна.

Теперь мы спешили на дизель, который увезет меня в цивилизацию. Лес был светел, корабельные сосны горели желтым румянцем, попадались березки, чуть тронутые осенью. Скорость была маленькая. И я успевала заметить грибы, выскакивавшие неожиданно. Вот подосиновик, а там то ли подберезовик, то ли даже белый! Стрелочник смеялся моим «ах!» и «ой!», но дрезину не останавливал – некогда. В моем нагрудном кармане лежало написанное круглым почерком брачное объявление Катрин, которое я пообещала вывесить в интернете, и от этого я чувствовала себя обманщицей.

– Скажите, Вадим (у Стрелочника было имя), а вы не боитесь одиночества?

– Одиночества? – удивился он. – У меня есть женщина, которая не может уйти.

* * *

Шестьдесят километров мы одолели за два часа, и прогулка оказалась приятной. При тормозив перед «большой дорогой», Вадим посмотрел на часы.

– Дизель будет через полчаса, но, может, и раньше. Можете посмотреть грибы, но только совсем рядом.

Я оставила вещи в дрезине, и бросилась в деревья. Азарт был немедленно вознагражден пнем с опятами, которые я собрала прямо в куртку (пришлось снять).

Людей кроме нас не было. Не было и домов, собственно, ничего не было, только рельсы и шпалы.

– А дизель-то придет? – пошутила я.

Вадим пожал плечами.

– А остановится?

– Только по требованию.

– А откуда здесь взяться пассажирам? Где-то есть деревня?

– Деревня есть в паре километров, но последняя старуха умерла с полгода назад. Я похоронил. А так – несколько брошенных домов, сгнивают помаленьку. А до первых живых людей сотни две.

– Ого! А как же продукты, хлеб? Мыло? Соль, наконец?

– Ну, не Африка же! С машинистом всегда можно договориться. Под заказ привезет. На крайний случай – дрезина.

Я сидела на дрезине, покачивая промокшей ногой (роса?). Полчаса прошло, но дизеля не было.

– Не бойсь, здесь расписание относительное!

Но не было дизеля и через два часа. Сумерки – спускались. Почему-то так всегда говорят – спускались... А навстречу им поднимались с земли другие сумерки – душа болот, может, или еще чья-то темная подземная душа. Наши голоса отдавались гулко в пустом лесу, а обсуждали мы вот что. Ехать дальше на дрезине никак, просто не хватит бензина. Следующий дизель по расписанию через три дня, и Вадим предложил мне остаться.

– Отдохнете, погуляете... Бывают же у человека каникулы. Вернемся, выйдем на связь и узнаем, что произошло.

При слове связь я вспомнила про мобильник. Конечно же, он не работал, ведь до ближайшей вышки... Мне уже надоело считать все в километрах, делить на скорость. Одно слово – до дуры.

Катрин не удивилась нашему возвращению. Видимо, это стало нормой – полусонное существование с мыслями внутри себя. Мысли текли тихо, словно тени мыслей, плавно обтекающая окружающих и возвращаясь к своим истокам.

Полулежа на кушетке, Катрин смотрела в окно, изо дня в день на один и тот же пейзаж – четыре сосны, рябина и какие-то кусты, с остатками продолговатых листьев. Рябина была на редкость хороша, и я подумала, что и зимой, в мертвом холоде леса этот пейзаж будет радовать глаз. Впрочем, пока птицы не склюют ягоды.

Вадим попытался связаться с железнодорожниками, но в трубке слышался лишь треск.

* * *

На следующее утро я отправилась за грибами. Вадим остался по хозяйству. Хозяйство было вполне настоящее, с огородом, колодцем, баней и даже ветряком – так называлось то, с помощью чего Вадим добывал электричество. Ведь до ближайшего столба было... А в прошлой жизни Вадим был инженером, но что-то у него с цивилизацией не сложилось...

Я бродила кругами, не отходя далеко от дома, боясь заблудиться. Где-то вдали пророчествовала кукушка. Странно было осознавать, что все тропинки в округе протоптаны одним человеком – Вадимом.

Грибы попадались царские – с десяток боровиков я нашла на одной полянке, один краше другого, богатыри. На горке золотыми огоньками рассыпались лисички. Два красных поджидали меня в овражке. За какой-то час я наполнила корзину и принесла ее домой.

И вдруг тишину леса разорвал гудок приближающегося поезда. Потом еще один. Вскоре послышался стук колес, и вот он на полной скорости летит по Богом забытому прогону в нашу сторону. За вагоном вагон проносятся мимо. Оказалось, товарняк, но вагоны разные – есть цистерны, есть прикрытые черным брезентом платформы, на таких возят какой-нибудь щебень. И просто железные вагоны без окон с надписями, состоящими из латинских букв и цифр. Все это прогрохотало и исчезло.

Вадим стоял, ошалело глядя вслед уходящему поезду и вытирая пот со лба черной от земли рукой.

– А ведь это Война... – наконец, произнес он.

* * *

За ужином (картошка с грибами и луком) мы обсуждали, что делать.

– Война наверняка ядерная. Самое безопасное место как раз здесь, вблизи Полигона. Не будут же Они заражать территорию, где живут сами. – рассуждал Вадим.

– Хочу домой! – безо всякой логики заявила я, чем вызвала кривой смех Катрин. От близости опасности она оживилась, даже разругалась.

– А, может, и дома-то уже нет! Или груда обломков. Или дом-то стоит, а все остальные очень хорошо уже лежат, включая любимых собак и кошечек!

– Ты всегда была доброй девочкой, – огрызнулась я.

– Цыц, бабы! Вопрос стоит так – или мы выживем в этих условиях, или лучше сразу перейти на мухоморы.

– А что, некоторым мухоморы даже нравятся. Как кино! – это, конечно, Катрин.

– А что, с миром вообще никакой связи? Ну, радио-то хотя бы есть?

– Радио было. Но одна наша знакомая дама полгода назад пыталась проломить им череп вашему покорному слуге.

– Ну и дела! – и мне показалось, что все это снится в плохом сне, и персонажи, и избушка на краю света, разве что не на курьих ножках. – А может, и нет никакой войны? Прошел обычный товарный поезд?

– Если войны нет, то послезавтра с Большой Земли будет дизель. И увезет Вас домой. – отрезал Вадим. – Вот и проверим.

На том и порешили. Два дня мы делали вид, что ничего не произошло. Утром я сходила в лес, а потом жарила блины из блинной муки, делая их с припеком из лука с грибами. Вадиму с Катрин это понравилось, ведь обычно довольно по-спартански готовил Вадим.

Вечером мы играли в Эрудита. Это такая пластмассовая доска, на которую ставят буквы. На каждой букве очки, а клеточки на доске есть цветные. Цвет очки удваивает, а то и утраивает, а то и все слово умножай – смотря какой цвет. Время бежало быстро, в игре этой я новичок, но новичок азартный. А Катрин с Вадимом – асы. Иногда лезли в словарь, желая доказать, что слово существует.

На следующий день Вадим повел меня за клюквой. До болота было километров 5 в сторону Полигона. Под ногами чавкало, и пахло гонобольшью. Такие леса я не люблю, но на самом клюквенном болоте было веселее – светит солнышко, ягоды, рассыпанные по кочкам, их телесность. Во рту уже кисло, а глаз жадный, и рука тянется еще.

Перебирала клюкву Катрин, для этого на колени ей поставили подносик, а по обе руки мисочки.

* * *

В день, когда должен прийти дизель, с утра лил дождь. Из дома выходить не хотелось, весь мир представлялся пустым и мокрым лесом. Но к обеду разъяснилось, подуло чем-то свежим, и колокольчик надежды зазвенел громче.

– Выезжаем раньше, бензин нужно экономить. – сказал Вадим.

И мы поехали. Вадим работал рычагом спокойно и уверенно, но тащились мы со скоростью велосипеда. Сердце мое стучало сильнее, чем колеса дрезины. Две большие серые птицы вспорхнули, испуганные нами. Набежала туча, но капнув двумя-тремя каплями, убежала дальше.

Но вот блеснули рельсы «большой дороги».

– Откуда должен придти дизель? – поинтересовалась я.

Вадим кивнул головой, и я села неподвижно, тупо уставившись в ту сторону.

Через два часа я поверила, что дизель не придет. Вадим меня не торопил, но торжество скрывал плохо.

– Чему Вы радуетесь?

– У меня есть две женщины, которые не могут уйти... – ухмыльнулся Вадим.

* * *

С утра считали запасы еды. Было довольно много картошки, растительного масла и лука. Мешок сахара. Мешок соли. Пара ящиков с крупой.

– Надо исходить из того, что надеяться мы можем только на новый урожай овощей. Остальное – невосстановимо. Так что предлагаю – пока не поздно – запастись ягодами и грибами.

Возражений не было, и мы отправились за грибами. Но что это был за поход! Я, для которой гриб это всегда был праздник, шла и методично складывала в корзину все съедобное – горькушки, свинушки... Возвращались в дом, вываливали и снова уходили в лес.

Клюква тоже потеряла прежнюю привлекательность. Она теперь называлась «витамины», и ею заполнялись все емкости в доме, которые не были заполнены грибами. Неудивительно, что через неделю емкости закончились.

Все реже попадались благородные грибы (если попадались, то их сушили, из экономии соли). В жизни появились новые персонажи – серушки, колпаки, которые я раньше считала поганками. Эти солили.

Когда закончились емкости, Вадим решил ехать в заброшенную деревню.

– Может, там что-то и не заржавело...

Время поездки подгадали под бывшее расписание бывшего дизеля, хотя об этом и не говорили. Только подъехав к «большой дороге», Вадим спросил:

– Ну что, подождем полчаса?

– Подождем.

* * *

Заброшенная деревня была невелика – 7—8 домов. Все из серого дерева, или уж так давно облезла краска. Стояли они довольно близко друг к другу, словно зверюшки жались в кучу, чтобы было теплее.

Вадим показал на заросшую лопухом поляну:

– Вот здесь проходила улица.

Дома держались довольно крепко, некоторые были заколочены, будто дачи на зиму. «Наверное, они так же ждут хозяев, как мы дизель, – подумала я, – так, на всякий случай пытаюсь сохранить себя в целостности».

А вот хозяйственные постройки совсем покосились. Болтались и скрипели на ветру двери, дырами зияли крыши из почерневшей соломы.

С одного крепкого дома мы и начали. Вскрыв дверь специально привезенным железным ломом, Вадим шагнул внутрь. Я – следом. Из дома пахло сыростью. Ну да, сколько лет его не проветривали? Наверное, уж все сгнило.

Только успела я об этом подумать, как провалилась доска под ногой у Вадима. Он, правда, успел перенести тяжесть на вторую ногу, и в подпол не полетел. Однако, стали мы шагать осторожнее.

Утвари нашлось много. Крынки, банки, эмалированные кастрюли вполне годились. Все это мы складывали в брезентовые заплечные мешки, ведь до дрезины нужно было тащиться два километра по давно заросшей проселочной дороге.

Взяли огромный кусок окаменевшей соли. Вадим попробовал пощупать тряпки в шкафу, но они расплзались сразу.

Впрочем, довольно крепкое одеяло мы нашли в самом скособоченном доме. Там и жила последняя старуха... Стекла были выбиты, и ветер гулял, где хотел, но крыша была целая. Уже потом из этого одеяла Катрин мне сшила что-то вроде пальто – ведь впереди зима.

* * *

В субботу Вадим топил баню. Легкий дымок стоял над трубой, как маленький ядерный гриб, но потом словно передумывал и уходил ввысь, сливаясь с небом.

Пахло березовыми вениками.

Сначала Вадим мыл Катрин, и по тому, как он бережно нес ее, словно младенца, я догадалась, что это такая любовь, и что моя роль в этой тройке – это роль рабочей лошадки, смиренной и с двумя ногами. И мне стало даже как-то спокойнее.

О прежней жизни мы не говорили, это словно считалось дурным тоном. Больше не вспоминали одноклассников, учителей, вообще людей. Вернее, вспоминали, но молча.

В свободное время, а его становилось все больше и больше, ведь в крестьянском хозяйстве есть мертвый сезон, – в свободное время я уходила гулять. Я шла по шпалам в сторону дизеля, пока не надоест. У меня было три приметы, отмечающие длительность маршрута. Поваленное дерево – это самый короткий, так, побыть одной. Сосна с раздвоенным стволом – это уже подальше, маршрут почти спортивный. И самый дальний – это когда мысли были длинными и не кончались – вел к небольшому оврагу, по дну которого бежал небольшой ржавый ручей.

Я думала, что мне жаль только человечество как таковое, и что на этой Войне я не потеряла никого, о ком хотелось бы кричать. Родители давно умерли. Мужики? Ну да, у меня их было в прежней жизни два – один собирался развестись с женой, но все откладывал, а вторым был мой сослуживец, веселый парень, с которым мы, обсудив какой-нибудь завиральный проект, потом «отдыхали» под музыку и хорошее вино. Ну да, этого было жаль, но рыдать не хотелось.

Подруг тоже было жаль, но они давно жили какой-то своей жизнью, выращивая детей, вывозя их к морю и устраивая в престижные гимназии, а потом в вузы. Вот этих детей было жаль очень, но они были не мои.

Я не успела расспросить Катрин, как они познакомились с Вадимом, а теперь уже не хотелось. Говорили, что после того, как родители умерли от алкоголизма, она пошла на панель. Потом родился и умер ребенок-олигофрен, так как Катрин тоже пила. А потом какая-то автомобильная авария. И вдруг через много лет нашей однокласснице Вале пришло письмо чуть не с того света – Катрин жаловалась на жизнь и просила хоть кого-нибудь при случае до нее добраться, при этом объясняла как (только дайте телеграмму, чтобы встретили). Валя разослала это письмо всем, кого удалось найти, но в основном народ пожимал плечами.

А я вот поехала...

Последние школьные годы мы не общались совсем. Катрин не могла простить мне победу в какой-то олимпиаде. Мне было все равно, а Катрин меня возненавидела. Она вешала на заборах объявления с моим адресом, что продается, мол хряк-производитель, или магнитофон фирмы Sony (тогда это было круто!). Но объявления были написаны детским почерком и цветными карандашами, так что никто всерьез не реагировал, только раз пришел какой-то парень за магнитофоном – так, на всякий случай.

И приснился мне тогда сон о Конце Света. Будто Землю решили захватить инопланетяне, но меня они почему-то любили. И вот когда я каталась на санках с горки, подходит ко мне один и говорит, что до Конца Света осталось минут сорок. Что будет страшная вспышка, и кто ее увидит, будет мертв. Но есть способ спастись – лечь на землю вниз лицом и крепко зажмурить

глаза. И что я могу спасти еще 30 человек, кому успею рассказать об этом. Но только не больше, иначе они своим полем себя выдадут.

Понятно, что я сразу побежала домой, рассказала своим. Помчалась дальше, к подружкам. К одной, другой, третьей. Рассказала. Еще рассказала тетеньке на улице, просто мне она понравилась. А время идет, и остается минут пять, а у меня есть еще одно вакантное место.

И вот иду я по городу и выбираю, кого спасти. И вдруг вижу Катрин, она шагает навстречу, презрительно поджав губки. Она – враг, потому что так захотела. И становится совершенно ясно, что спасти надо именно Катрин. Потому что там, в новой жизни, совершенно необходим Враг.

«А сон был в руку», – невесело улыбнулась я.

* * *

В ноябре я заметила, что Катрин беременна.

* * *

Снегом все замело довольно быстро. Во дворе дорожки чистили лопатой, а дальше, в лес, можно было уйти только на лыжах.

Вадим уходил на охоту. Ружье было, но он предпочитал ставить ловушки для птиц. Наставит, а потом ходит с обходом. Был рябчик, из которого сварили бульон. Тетерева жарили прямо на огне, такая курица-гриль.

Редко, но попадались и зайцы. Шкурки проветривали на морозе, а потом посыпали солью. Какая-никакая обработка, а мех пойдет в дело. Шапки, сапоги...

Не хватало информации. Мне, привыкшей, что на любой вопрос можно получить если не ответ, то хоть наводку в интернете, это было особенно трудно. Изобретали «велосипеды», как сдирать шкуру, как ощипывать птицу. Но как-то справлялись.

Книги были перечитаны по несколько раз, старые журналы тоже. Набор книг был невелик: Лев Толстой – детям, Золотой теленок, Рецепты грузинской кухни. Еще Пришвин, альбом «Русский самовар» и «100 способов похудеть».

Пара детективов про Ниро Вульфа.

Вот и все, что осталось от цивилизации...

* * *

Новый год отмечали водкой.

В честь праздника выделили блинной муки и я испекла черничный пирог. Плоский, зато черника настоящая. И с сахаром.

Зайчатину тушили вместе с картошкой. Потом все это ели, поглядывая на часы. Глаз хотел найти телевизор и московские куранты, а потом услышать поздравление какого-нибудь президента...

В 12 часов чокнулись и выпили:

– Ну, будем! – сказал Вадим.

И больше сказать было нечего.

* * *

Зима была в общем благополучной. Погода баловала, всего хватало. Четвертым персонажем был Лес, с которым всегда можно поговорить.

Дел для поддержания жизни тоже хватало – собирать хворост, топить, готовить, разделять тушки, стирать (мыла пока тоже было вдоволь, но сэкономили). Иногда эта простота казалась истиной.

Выходом в мир иной были сны. В них причудливо переплетались нынешняя и прежняя реальность. В них были троллейбусы, велосипеды и метро. Гуси, обезьяны, лошади и зайцы. Был Эрмитаж, почему-то сплошной Эль-Греко, сколько ни переходи из зала в зал. А еще Катрин, лежащая в саркофаге Тутанхамона, и я обвожу контуры саркофага розовым мелком на полу...

Настоящей же Катрин становилось все тяжелее – рос живот. Это и здоровой-то бабе трудно, а тут самой даже позу не поменять. Мы с Вадимом помогали как могли, но настроение у нее портилось с каждым днем. Порой она начинала плакать, жалея и себя, и этого будущего ребенка.

– А может, я умру, а вам и молока взять негде... – сказала она однажды и отвернулась в стену.

Вадим вздохнул и вышел чинить капканы.

Чем больше я смотрела на Вадима, тем больше удивлялась, что он мне не нравится. Он хорош собой, довольно строен, заботлив, хорошо хозяйничает. И головой работает, и руками. А главное – он последний мужчина на Земле, и если не он, то вообще никакого... По всем законам физиологии должно тянуть. Но – не тянет.

Я тоже вздохнула и отправилась гулять. Солнце уже начало греть, и оттаяла моя «дорога жизни» – по шпалам вдаль. То там, то здесь попадались проталины, казалось, что иголки на елках стали зеленее, а воздух прозрачнее. Вопреки обстоятельствам я испытывала душевный подъем, имя которому – весна. Физиологически нормально.

Вот я дошла до поваленного дерева, поздоровалась. Немного посидела, глядя, как белое облако бежит над лесом. И вдруг я увидела то, что показалось галлюцинацией: над лесом летел воздушный шар! Обыкновенный воздушный шар, на которых летают спортсмены, выступают на городских праздниках. Он даже издали казался большим, а цвет был самый замечательный в мире – оранжевый с голубыми полосами...

Но ведь, если – шар?!... И голова заработала. Так, значит, никакой Войны нет? А почему не приходит дизель? – А ты проверяла расписание? – А, может, тебя специально привозили, когда дизеля нет? – А тот поезд? – Обыкновенный товарный поезд, который ходит раз в полгода, или в год, такая редкая ветка... Сердце выпрыгивало из груди. Но я пошла к дому нарочно спокойно, на случай, если меня видит Вадим.

Но Вадима не было, он как раз ушел обходить капканы.

Дрезина была на месте. Если вскочить на нее сейчас, через 3—4 часа я буду на большой дороге. Еще километров 200, и начнутся первые поселки, а через 300 будет город. Если повезет, дизель меня подберет раньше... Скорее бежать...

Я зашла к Катрин.

– Я должна тебе сказать... Вадим нас обманывает. Никакой войны нет. Я видела воздушный шар...

В глазах Катрин забрезжила надежда:

– Возьми меня с собой!

И я взяла. Поднять Катрин я не могла, но она обхватила меня руками и помогала как могла живой ногой. Едва не уронив ее при спуске с крыльца, мы все же добрались до дрезины. Я уже умела управлять.

Сначала было страшно, и мы все время оглядывались. Но вот мы проехали поваленное дерево – прощай! – вот уже сосна с раздвоенным стволом – прощай! – а вот овраг, а я считала, это уже километров пятнадцать. Не догонит!

Солнце стояло еще высоко, верхушки деревьев казались черными, и где-то над ними, в синей вышине я видела след воздушного шара.

АННА И ЗОЯ

С некоторых пор Анна Владимировна Скрынникова была против биографий – что кратких, официальных, что выстроенных по воспоминаниям автора и его окружения – полных сплетен, недомолвок и подтасовок. Ее скромная роль комментатора к некоторым не слишком популярным и почти что научным изданиям привила ей стойкую аллергию к любому упоминанию факта, не подкрепленного письменными источниками, а затем и к подкрепленному целой тонной пожелтевших страниц, исписанных мелким убористым почерком, или размашистым – как будто «к цыганам!», или вовсе прихрамывающей машинописью. Одним словом, весьма почтенная дама отнюдь не легкомысленного возраста, пользующаяся авторитетом у сотрудников, начальства, а также тех немногочисленных читателей, которые и впрямь почитывали ее комментарии, Анна Владимировна накопила в душе такое количество протеста, негодования и возмущения, словно внутри нее сидела и ожидала своего часа неразорвавшаяся граната.

Месть ее зрела, наливаясь соком, словно яблочко, и когда контуры сюжета стали проглядывать сквозь туман (а туман ох как был нужен!), яблочко сорвалось с ветки, и покатилося по тарелочке, показывая самые разнообразные картины, подтвержденные несуществующими источниками – черновиками, письмами, воспоминаниями...

Надо сказать, что проживала Анна Владимировна в петербургском «контексте», который включал в себя не только гранитные набережные и золоченые шпили, но и молодых людей (кажется, под кайфом), готовых расправиться с любой вышедшей из сберкассы старушкой, и миф о штурме Зимнего, и буханку хлеба, переброшенную гражданкой Быстровой через забор хлебозавода (вторая буханка – часовому) осенью 1942 года, и произносимую когда-то шепотом фамилию Маринеско, и тень ее знаменитой комаровской тезки. С этой тенью и был связан коварный замысел.

Выглядеть все должно было правдоподобно. Известно, что навещали Анну Андреевну многие, и ценность их воспоминаний неоспорима. Могла навестить ее и некая молодая или даже не очень молодая дама, пишущая стихи. Она могла приехать в Комарово, даже без предупреждения, могла встретиться с Ахматовой, и даже поговорить. Во всяком случае, отрицать этот факт довольно сложно. Она могла прочитать Ахматовой свои стихи и выслушать отзыв. (А надо сказать, что в юности и Анна Владимировна пророчила себе великое будущее, и несколько тетрадок со стихами хранились в ее секретере на полочке, никем не опубликованные, а потому голодные и злые). Естественно, Анна Владимировна не могла написать собственные «воспоминания» – уж слишком странным показалось бы коллегам ее столь долгое молчание, и она стала искать автора своим стихам.

Легко сказать – искать автора, это все равно что искать родителей собственному ребенку. Но помог случай, и это уверило Анна Владимировна в правильности избранного пути. А путь она считала безусловно «светлым», так как давала жизнь стихам, ни у кого их не украв, и даже скромно отказавшись от собственного имени.

Анна Владимировна жила в районе Таврического сада и иногда прогуливалась в нем, наблюдая жизнь с пользой для здоровья. Там же довольно часто прогуливалась сумасшедшая старуха – одетая в шляпку из потертого бархата, длинную юбку и какие-то немислимые черные же кружева или меха, в зависимости от времени года. Она проплывала по аллеям, гордо неся свой профиль, и оставляя запах нафталина, и тем не менее какое-то смутное воспоминание о духах и туманах. Со старухой Анна Владимировна иногда здоровалась, и вот однажды они пережидали небольшой дождь под одним деревом, и даже познакомились. Звали старуху Зоя Яковлевна, речь ее была довольно обрывочна, но стилистически грамотна, порода чувствовалась безусловно.

Разговор получился такой:

– Да, сегодня нам не повезло... – Анна Владимировна, с улыбкой.
– Не хуже, чем во вторник... – Зоя Яковлевна.
– А что было во вторник? – Анна Владимировна, стараясь вспомнить.
– Каша сгорела, сгорела каша. Навсегда сгорела. – Зоя Яковлевна.
– Понимаю, и Вы остались без еды? – Анна Владимировна.
– Что Вы понимаете о еде, девочка? Вот индюки, например... – Зоя Яковлевна.
– Индюки? – Анна Владимировна, удивленно.
– Ну не курицы же, в самом деле? Где Вы видели куриц? Летают, летают всякие...
– Да-да, конечно...
– А что, одни летают, другие капают. Кап-кап, кап-кап. Можно и без каши...
– Вы одна живете? – Анна Владимировна, участливо.
– С ними, с покойничками, – рассмеялась старуха, показывая идеально белые искусственные зубы, – их теперь больше, чем живых...

Почему-то вечером, когда Анна Владимировна вспоминала этот разговор, уютно устроившись в кресле послушать Шопена, он ей не показался таким уж безумным. Слова старухи она стала воспринимать как метафоры. Вот, например, индюки – наверняка это и была еда, намного вкуснее куриц, и бегали где-нибудь по усадьбе как на картине Моне, а теперь и правда воробьи, голуби да вороны, кого еще можно увидеть? Зато если себя воспринимать как птицу, то и еда вроде птичья должна быть, без каши можно и обойтись. С покойничками тоже вроде все ясно – многих пережила, новых не заводится, конечно, возраст...

Однажды поздней осенью, торопясь на работу и срезая дворами путь, Анна Владимировна увидела у подъезда катафалк. Крышку гроба открыли, чтобы смогли попрощаться старые соседки, которым не доехать до крематория, и она увидела строгое бледное лицо Зои Яковлевны, после смерти действительно ставшее птичьим. «Это судьба», – подумала Анна Владимировна, на работу не пошла, а поехала в крематорий с немногочисленной родней и несколькими приятельницами покойной. Никто ее ни о чем не спросил.

Зал для прощания был выбран самый маленький, речей кроме обязательной официальной не было. Из неисправного магнитофона доносилось Адажио Альбини, присвистывая и дребезжа. Слез не было. Организовывал похороны деловитый молодой человек – племянник. Пригласил всех в квартиру покойной – помянуть. Анна Владимировна поехала. Ей казалось, что ее присутствие на этих похоронах и на поминках внутренне даже более оправдано, чем у остальных. У нее было искреннее ощущение потери, и столь же искреннее ожидание «наследства».

Обстановка квартиры была скромная, но уютная. Мягкие кресла, круглый стол на одной ноге, на стенах несколько акварелей с видами Петербурга в деревянных рамках (Анна Владимировна специально подошла и посмотрела, не репродукции ли). Художник был, может, и не из первого состава, но талантом не обделен. Вот Банковский мост, знаменитые грифоны, вот подворотня, чей адрес сразу и не назовешь, но поворот домов, следующий за поворотом то ли речки, то ли канала – давал направление поиска. А вот острова, Елагин дворец на фоне голубой воды, отражения. В правом нижнем углу едва различима подпись.

В квартире прибрались, проветрили и приготовили соседки-старушки. Они уже ждали у накрытого стола. Водка, кагор, блины, кисель, винегрет – обычное для русского поминального стола угощение. Нарезали колбасы, сыра, хлеба. После первой рюмки лица сильно оживились. Старушки вспоминали, кого и когда они еще похоронили из этого дома, и из соседнего. О покойной сказали, что странная была, но приветливая, кто-то вспомнил, что была красивая. Немногочисленные родственники старались, чтобы все было прилично. В конце предложили всем взять что-нибудь на память из квартиры, их, видимо, интересовала жилплощадь в чистом виде. «А можно, я возьму ее письма, бумаги?» – спросила Анна Владимировна, – «Пожалуйста», – пожал плечами племянник.

«Бумага» было немного, они все уместились в два полиэтиленовых мешка, которые всегда были у Анны Владимировны в сумочке припасены для продуктов. Были конверты с расплывшимися лиловыми чернилами, были какие-то записки карандашом на оберточной бумаге, Анне Владимировне померещилась и тетрадка со стихами. Спускаясь почти бегом по лестнице, она боялась, что кто-нибудь догонит и отберет вымечтанные сокровища, ведь теперь она хозяйка биографии Ямпольской Зои Яковлевны, и только она, Скрынникова Анна Владимировна, как истинный художник, дорисует ее портрет, создав лучшую в мире мистификацию.

Да, она не была первой – знаменита и Черубина, и женские стихи Брюсова, да мало ли еще? – но только ее не раскроют, и в веках будет жить созданный ею персонаж и говорить ее голосом. Анна Владимировна запыхалась, покраснелась, ей показалось, что жизнь еще впереди, и конечно, «так поздней осенью порою бывает»... И она несколько раз подпрыгнула на правой ноге, стараясь попасть на только что слетевшие желтые кленовые листочки. Суставы тут же напомнили о себе, несколько шагов пришлось прихрамывать, и Анна Владимировна отругала себя, что несется вприпрыжку с похорон, что вот за это, она, мол, и наказана. Но другая Анна Владимировна улыбалась и ничего слышать не хотела.

«Наследство», полученное Анной Владимировной, назвать «архивом» можно было лишь с большой натяжкой. Некий порядок все же присутствовал, на записках стояло число и время («ушла за молоком, буду в 12:30, 2 сентября»), что свидетельствовало о том, что кого-то Зоя Яковлевна ждала, боялась разойтись на минуту-другую, торопилась с бидоном (или бутылкой, или пакетом?). Были квитанции из прачечной, театральные билеты (и по одному, и по два), программки аккуратной стопочкой. Прежде всего Анна Владимировна смотрела на года – а жила ли в Ленинграде Зоя Яковлевна одновременно с Ахматовой? Ведь именно это лежало в основе теории, которую следовало доказать.

Порадовало письмо с размытыми лиловыми чернилами, на почтовом штемпеле ясно можно было разглядеть год – 1962, и адресовано оно было Ямпольской З. Я. на Левашовский проспект. Анна Владимировна аж подскочила – в 62 году Ахматова жила на улице Ленина (не все время, но ведь жила же!), вместе с Пуниными, а Левашовский и Ленина пересекаются, а это значит, что Зоя Яковлевна вполне могла встречаться с Анной Андреевной, например, в булочной (если бы, конечно, Анна Андреевна в булочную ходила).

Разговор мог быть примерно таким:

- Скажите, пожалуйста, булка свежая? – Анна Андреевна.
- А нам никто свежей не обещал, – Зоя Яковлевна.
- И правда, – Анна Андреевна, с улыбкой, – подайте парочку (продавщице).
- И я, пожалуй, куплю. – Зоя Яковлевна.
- А ничего, вкусно... – Анна Андреевна, откусывая.
- Поклевали – улетели, – Зоя Яковлевна.

Этот разговор Анна Владимировна словно слышала внутренним, неведомо куда зовущим слухом. Голос Ахматовой был, как положено, царственно величав и чуть ироничен, а в голосе Зои Яковлевны слышалось деревянное поскрипыванье, то ли полы в деревенской избе, то ли стволы сосен на ветру.

Пространственная близость, обнаружившаяся неожиданно у этих двух женщин, показалась Анне Владимировне еще одним «знаком», подтверждением правильности пути.

Желтоватый листочек письма из конверта, казалось, новых сюрпризов не принесет. Приятельница Зои Яковлевны по имени Глаша рассказывает о своем отдыхе в Крыму. «И представь себе, Зоя, иду я вдоль берега, совершенно одна в своей розовой шляпке (Антон Вадимович немного перегрелся и остался в номере), и навстречу мне с сандалиями в руках – твой А. Я обомлела, отвела в сторону глаза, надеясь, что он меня не заметит, но не тут-то было! Он схватил меня в охапку и стал кружить, не бросая при этом сандалий. „Глаша, Глашенька“, – воскликнул он, – „Вы как Ангел из Благовещенья! Ну, и как жизнь? Что слышно о Зое?“ Я слегка

пришла в себя, рассказала о том, о сем, не решившись делиться подробностями о тебе, заметив лишь, что жива-здорова, по-прежнему очень хороша и живешь в Ленинграде. О себе же сказал он, что отдыхает с двумя сыновьями и нянькой. О жене я его не спрашивала».

По листку было видно, что перечитывали его не раз. И как обычно, когда держала Анна Владимировна в своих руках свидетельство чужой живой жизни, собственная ее жизнь казалась ей бледной, незначительной, будто воробышек из зоопарка, и даже чужие драмы вызывали у нее едва ли не зависть.

А вот еще письмо, без конверта, но с датой – 13 мая 1948 года. «Зоенька, птичка моя! Здесь меня спасает только мысль о Тебе, только предчувствие твоего голоса (и не только!). Прости сумятицу моих мыслей, а планов и вовсе нет, да и что может быть нелепей планов, правда? Ты, птица, знаешь, что летом летят на север, а зимой на юг, а кто назначает зиму и лето? Ласточка моя! Вспоминай хотя бы иногда твоего К.».

«Ну вот, еще один», – нахмурилась Анна Владимировна. Этой истории тоже могло хватить на приличную биографию. Да, Анна Владимировна умела читать между строчками, дописывая кое-что за авторов, и частенько ее догадки действительно подтверждались. В ней проснулся охотничий азарт, захотелось узнать всю правду про Зою Ямпольскую, разложить ее по полочкам и цитатам, уточнить и обосновать. «И выдумать», – довольно громко произнес внутренний голос.

Анна Владимировна почувствовала, что утомилась. Она отложила бумаги, сняла очки и, немного шаркая в удобных домашних тапках без пяток, направилась на кухню – пить чай. Кухня была любимым местом во всей квартире. Окно выходило во двор, можно было посматривать, как бегают мальчишки по полусгнившей деревянной горке. Вот вышел гулять сосед с боксером Фросей. Ведут домой кудрявого мальчика из соседнего подъезда, в руках у мамы футляр со скрипочкой, а мальчишка смотрит на поломанную горку, и вся его тщедушная фигурка тянется куда-то «от». Анна Владимировна вздохнула, да, если бы у нее был такой сын (или внук), она не стала бы его заставлять и так далее... Но это «бы» вставало Великой китайской стеной между ней и окружающим миром, как мир не нуждался в советах Анны Владимировны, так и Анна Владимировна, по сути, не нуждалась в этом полном недоразумении, помоек, несбывшихся надежд, болезней и постылой работы мире. Список можно продолжать, но и этого достаточно для нашей утонченной героини. Впрочем, свою работу она не то чтобы любила, но переносила легко – тишина архивов, книжная пыль, единицы хранения. Минуты вдохновения заставляли наперегонки бежать стрелки часов, и тогда работа казалась не работой, а «служением».

Итак, Анна Владимировна налила в чашечку чая. Крепкий она давно уже пить не могла (не спалось ночью), а пила так, седьмую воду на киселе, с апельсиновыми корками и шиповником, или цветками липы, или березовыми листиками. Вкусно и тепленько. Ложечка звенела о фарфоровую чашку, динь-динь. Сахар в чай не добавляла, а покусывала шоколадку, заворачивая ее после чаепития обратно в фольгу и кладя на полочку в холодильник.

Ночью пришла Зоя Яковлевна. Она была в том же возрасте, что и умерла, но одета в какое-то легкомысленное одеяние из шелка и газа, к тому же розовое. Она присела на краешек стула (а быт Анны Владимировны был скорее спартанским, ни дивана, ни удобных кресел – узкая кровать да венские стулья), одергивая подол платья и поправляя прическу, и выжидающе смотрела на Анну Владимировну, когда та проснется. Анна Владимировна приподнялась в постели и вопросительно посмотрела на гостью.

– Лежите, лежите, – закивала головой Зоя Яковлевна.

– Чем могу?... – вежливость Анны Владимировны спросонья была автоматической.

– Вы же ищите? Я и расскажу, где зарыт клад...

– Клад? – Анна Владимировна сразу представила сундук со старинными украшениями, инкрустированными драгоценными камнями столовыми приборами и пр. и пр.

– Для одних клад в земле лежит, для других по улицам ходит. На двух ножках да понемножку... – Зоя Яковлевна говорила с такой интонацией, с какой читают книжки маленьким детям.

Анна Владимировна старалась все запомнить слово в слово, чтобы потом, при свете дня, расшифровать странное послание.

– Ходит по улицам? – переспросила она, после того как пауза несколько затянулась.

– Была одна нога, да и та сломалась. Вон их сколько порубили-то – тополей!

– Да, говорят, дуплистые они, хрупкие – от сильного ветра на человека могут упасть, на провода...

– А разговоры слушать – зря небо гневить. Ему молчание любо.

После этой фразы Зоя Яковлевна встала и подошла к окну. Напоследок обернулась, как будто хотела добавить что-то очень важное, но передумала. И в одну секунду растаяла, а ведь Анна Владимировна думала, что так бывает только в кино.

Следующие два дня были выходными, и Анна Владимировна смогла их полностью посвятить разбору бумаг, не отвлекаясь на ненужное. Она даже в магазин за хлебом не стала выходить, сообразив какие-то лепешечки из остатков кефира. Была надежда на дневники, но дневников старуха не писала. Письма были, и все они адресованы были ей, кроме одного, в Мариуполь, которое вернулось с комментарием «адресат выбыл», и хранилось в запечатанном конверте.

Анна Владимировна конверт вскрыла, испытывая противоречивое чувство – то ли она делает что-то запретное, то ли это письмо адресовано непосредственно ей, Скрынниковой А. В., а не выбывшей неизвестно куда Алехиной Л. И.

«Лилечка, здравствуй! Пишу и не чаю, что ты это письмо получишь. Уж лучше бы не получила, но писать надо, обещала твоей матери, царствие ей небесное. А обещала я сообщить тебе, что и фамилия твоя – Алехина, и отчество – Игоревна – даны тебе отчимом, а не отцом, и лишь после смерти его велела мне покойная Ирина Максимовна рассказать тебе правду. Отец твой, Портнов Аркадий Владиславович, был расстрелян в 1939 году, когда тебя еще не было на свете, милая моя крестница. И есть мое подозрение, что способствовал этому не кто иной, как Алехин Игорь Михайлович, твой отчим. Ирина Максимовна, впрочем, в это не верила. Она всегда старалась не верить в плохое. Любящая тебя Зоя»

Анна Владимировна перечитала письмо еще раз. Острое сочувствие к судьбе неизвестной ей Лилечки, Ирины Максимовны и Аркадия Владиславовича было удивительным ей самой, но особенно сильной была обида, что письмо так и не достигло адресата, и, похоже, Зоя Яковлевна других попыток восстановить справедливость и не делала, ведь не зря же она хранила это письмо, и хранила нераспечатанным? И не случайна же проговорка «Уж лучше бы не получила...» Анна Владимировна посчитала, сколько лет должно быть сейчас этой Лилечке, если она жива, не так уж много, есть шанс найти, рассказать правду «по поручению Зои Яковлевны». Полно, действительно ли по поручению? И Анна Владимировна решила прогуляться, чтобы как следует собраться с мыслями.

Воздух был так густ от аромата мокрой земли, опавшей листвы, и еще чего-то бензинового, что кажется, не дышишь им, а питаешься, ощущая весомость каждого глотка. Дождь то начинался, то будто передумывал, то снова сомневался. Анна Владимировна не взяла зонтика, и теперь только поглубже вжалась в пальто.

Анна Владимировна сама не заметила, как правда жизни Зои Яковлевны (еще только угадываемая по скупому пунктиру бумажных свидетелей) начинает пересиливать художественную правду выстраданной мистификации. Визит к Ахматовой, задуманный как кульминация судьбы и главная ее тайна, катастрофически мерк перед реальностью. Но просто так Анна Владимировна не сдастся!

Она почти не удивилась, когда, подходя к дому Зои Яковлевны, увидела в окнах свет. Ну, конечно, родственники! Буквально через несколько минут в дверном проеме появился племянник с большим черным полиэтиленовым мешком для мусора. Анна Владимировна шагнула в тень, но предосторожность была излишней – ее никто бы не узнал. Племянник поставил мешок рядом с помойкой и сразу ушел. Преодолевая стыд (или предрассудки), Анна Владимировна приблизилась к помойке, заглянула в мешок. Там были какие-то тряпки, служившие когда-то одеждой.

«А тебе не жирно одной столько будет?» – Анна Владимировна вздрогнула от грубого голоса, прозвучавшего совсем рядом. Она узнала профессионалку с сумкой на колесиках: женщина обходила каждое утро окрестные помойки. Запомнить ее было легко по красной вязаной шапке и тележке. Анна Владимировна покраснела и отдернула руку, как будто ее поймали с поличным. «Меня интересуют только бумаги...» – пробормотала Анна Владимировна. «А-а-а, макулатура», – понимающе протянула женщина, обнажив пустоту рта. От женщины дурно пахло. «Да-да, макулатура, а остальное, пожалуйста, берите...» – и Анна Владимировна поспешила удалиться, но, пройдя несколько шагов, засомневалась – а правильно ли она делает? В этот момент и раздался резкий окрик: «Эй, куда же ты, вот твоя макулатура!» (Женщина произносила «мукулатура»).

Анна Владимировна развернулась как по команде «кру-гом!», и получила в награду связанную шпагатом пачку старых журналов вперемежку с тоненькими тетрадками – были такие одинаково зеленые за 2 копейки, с портретами писателей и их изречениями. «Читайте больше, читайте таких мастеров словесного искусства, каковы...» – все это помнилось наизусть, как трамвай за 3 копейки (бросаешь монетку и сам отрываешь билетик), буханка ржаного за 12 коп. А что, тоже приметы времени, мирного, между прочим, времени, когда тополя еще не вырубали... Тополя? Откуда это слово? «Ах, да, – вспомнила А.В., – именно там зарыт клад», и решила остаться, подождать, что будет дальше.

Женщина в красной шапке тоже осталась. Она словно жевала бесцветными губами, время от времени поглядывая на конкурентку. Анне Владимировне молчание показалось неловким. «Да, тут старуха умерла, еще много будут выносить. Наверное», – произнесла она не своим голосом. Женщина посмотрела с попыткой доверия: «Только бы Федоров не пронюхал – отымет...»

Анна Владимировна попыталась представить Федорова, он получился с топором, в шубе, и почему-то подумалось: «Красная Шапочка и Серый Волк, Россия, век XXI».

Свет в окнах Зои Яковлевны вскоре погас, а немного погодя появился и племянник с двумя мусорными мешками. С неожиданной для себя решимостью Анна Владимировна направилась к нему: «Здравствуйте, как хорошо, что я Вас встретила!» – Удивленный взгляд, длинные ресницы. – «Я была вчера на похоронах...» – Кивок головой. – «Я знакомая Зои Яковлевны, Анна Владимировна, может, слышали?» – Смущенное «нет», одной головой. – «Дело в том, что я пишу про нее книгу...» – Поднялись черные брови. (Да, племянник красив, вообще красивая семейка, – промелькнуло в голове у Анны Владимировны). – «Очень интересная биография... Но очень много белых пятен... Если бы Вы могли кое-что прояснить, не сейчас, разумеется...» – Кивок головой, в голосе сомнение: «Вы знаете, я застал тетку уже в не слишком адекватном состоянии, так что вспомнить особо нечего... Может быть, моя мать? Ее на похоронах не было, она сейчас больна, но где-нибудь через месяц – звоните? Она тетку любила...» – «Ваша мать?», – почти радостно воскликнула Анна Владимировна: – «сестра Зои Яковлевны?» – «У тетки не было сестер, я „племянник“ довольно условный, но вот, квартиру мне оставила... Моя мать – крестница Зои Яковлевны». – «Лилечка?!» – на сей раз возглас радости скрыть было невозможно. – Улыбка с хитринкой: «Да, Лилия Игоревна», – и рука уже достала из кармана листочек и ручку:

– Вот Вам телефон.

Домой Анне Владимировне хотелось бежать вприпрыжку – да, было в ней что-то от школьницы, и пачка журналов, перевязанная шпагатом, напоминала о сборах макулатуры, металлолома и других простых радостях пионерской организации, а, в сущности, детства. Зеленые тетрадки оказались действительно школьными: «тетрадь для работ по русскому языку ученика 6-в класса Портнова Александра». О чем-то эта фамилия говорила, ну да, конечно, – ведь это Портнов Аркадий был расстрелян в 1939 году! Что-то не сходится... Или сходится? В тетрадке немного прыгающий мальчишеский почерк, изредка красным выделены ошибки. «Синтаксический разбор предложения». Определения, дополнения, обстоятельства. Да, обстоятельства.

Перебирать бумаги Анна Владимировна не спешила. Как настоящий гурман, она получила наслаждение от каждой маленькой находки. Она завела несколько папочек, в которые бережно раскладывала найденное по темам, стараясь, чтобы ничто не ускользнуло от внимания. Отдельно лежали технические паспорта от проигрывателя «Аккорд», холодильника «Ока», пылесоса, телевизора. Их Анна Владимировна тоже не торопилась выкидывать – никогда не знаешь, что может пригодиться. Были поздравительные открытки с Новым годом, 8 марта, 1 мая. Какие-то знакомые рассказывали о ценах и о своем житье-бытье – росли дети, поступали в школы, институты, женились, рожали следующих детей, играли в футбол и на пианино, рисовали, ломали руки, катаясь на лыжах. Взрослые болели, вырезали грыжи, ездили на юг и на север, жаловались на начальство – это были мирные письма последней четверти века. «Как измельчали темы и образы!», – думалось Анне Владимировне, – «вообще исчезла та пронзительная нота, которая и дает ощущение судьбы. Разве что стихи?»

Стихи Анне Владимировне не померещились, именно они оказались в двух тетрадках с клеенчатыми обложками, унесенных еще с поминок. Стихи не датировались, они были аккуратно переписаны с черновиков (не было видно никакой работы над словом), но по нарастанию «безумия» можно было догадываться о хронологии. Сами же тексты разочаровали. Это были довольно вторичные попытки зарифмовать природу, любовь и одиночество, напоминающие среднеарифметическую поэтессу серебряного века. Иногда мелькали яркие образы наподобие тех, что она слышала от самой Зои Яковлевны в ту их единственную реальную встречу. «Ну и хорошо», – успокоилась Анна Владимировна, – «подменив стихи, мы никого не обидим. А для правдоподобности можно и перемешать». Мысль о том, что Зоя Яковлевна могла переписывать чужие стихи, Анна Владимировна отогнала, как назойливую муху.

То, что стихи – были, и кто-то из родственников или знакомых об этом мог знать и при случае подтвердить, – работало на Анну Владимировну. Теперь она ждала, пока пройдет месяц, и удобно будет воспользоваться телефоном Лилечки. Наступила зима, еще не настоящая, а так – выкрасили белым, распушили ветки, а там – будь что будет. А будет Новый год, всеобщая суета с подарками и елочными шарами, кругом загремит пиротехника (переполнятся травматологические пункты и отделения больниц). Но обычная в это время грусть к Анне Владимировне не приходила, настолько наполнена была сейчас ее одинокая жизнь. Она отказалась от нескольких приглашений, сама нарядила елку, накрыла стол и стала ждать.

Зоя Яковлевна пришла сразу после поздравления президента, в вечернем платье, с голыми худыми руками. Густые седые волосы гостьи были убраны вверх по моде пушкинской эпохи. Анне Владимировне показалось, что она помолодела, и глаза стали ярче, внимательней.

- Ну, что тут у Вас? – Зоя Яковлевна, поворачивая в руках пустой бокал.
- Новый год! – Анна Владимировна, радостно.
- Ах да, помню... Жаль, мне нельзя шампанского – желудок шалит...
- Я хотела Вас спросить...
- Вот уж глупости, живых спрашивайте... – чуть-чуть сердито.
- Стихи – Ваши?
- Стихи чушь. Травы не слышно, ветра. Ничьи они.

- А почитать Вам мои?
- Читайте...

Зоя Яковлевна отвернулась, глядя, как за окном падает снег. Анна Владимировна встала, прислонилась к дверному косяку, сложила на груди руки (именно в этой позе она читала стихи, когда ее вызывали к доске) и сосредоточилась. Больше всего она боялась, что стихи Зое Яковлевне не понравятся, и она растает, так ничего и не ответив.

Я зеркало себя.
Все имена я помню,
И все глаза, целующие даль.
Иду след в след себе,
Дышу в затылок,
И только руки
Будто бы застыли —
Не догоняй!
Учу уроки лжи,
Чтоб впредь и навсегда
Не узнавать своих же отражений.
Даю уроки лжи,
Чтоб больше никогда
Ни жеста обо мне без искаженья.

Это стихотворение не было лучшим. Просто именно оно связывалось в первую очередь с образом Зои Яковлевны и должно было послужить камертоном. Фальшиво – не фальшиво?

- Зоя Яковлевна обернулась, чуть улыbnувшись сухими бледными губами:
- Да, обо мне. Не о траве.

Анна Владимировна смущенно опустила глаза, а когда она снова их подняла, гости уже не было. Только занавеска слегка покачивалась да сильнее валил за окном снег – целыми хлопьями, по-кошачьи мягко.

К встрече с Лилечкой Анна Владимировна основательно подготовилась. В качестве козыря было приготовлено письмо – то, не дошедшее до адресата. Знает ли Лилечка правду или не знает? А если не знает, то мало ли чего еще она не знает о жизни любимой крестной? Так или не так? Стихи Анна Владимировна заранее переписала в одну тетрадку, стараясь попасть в почерк Зои Яковлевны.

Лилечка, или, если угодно, Лилия Игоревна, согласилась принять сразу. Это была пожилая полная женщина с подкрашенной сиреневым сединой, темными глазами похожая на красавца-сына. Вошедшая в дом Анна Владимировна понравилась ей сразу – скромная, аккуратная, в чем-то таком сереньком-трикотажном. Умные серые глаза, увеличенные стеклами очков. Предложили чаю с печеньем прямо в комнате, на стене Анна Владимировна узнала акварели из квартиры Зои Яковлевны. Лилечка улыбнулась, заметив направление ее взгляда.

- Да, этот художник – увлечение Зоиной юности. Умер своей смертью, большая редкость в то время... Вы пишете о ней книгу?

- Пытаюсь. Но много непонятного. Почему такая красивая женщина осталась одна, без детей? Похоже, романов у нее было много?

- Здесь многое покрыто тайной, Зоя рассказывать не любила. Главная любовь ее жизни – Аркадий – был расстрелян в 1939 году, так, во всяком случае, она считала большую часть жизни. Они перед этим сильно поссорились, в чем дело, никто не знает. И Зоя считала, что это она виновата в его смерти, так как сильно пожелала ему зла. Понимаете?

Анна Владимировна вздрогнула:

– И она осталась ему верна?

– В конечном счете, думаю, да, хотя были и другие... Дело в том, что его не расстреляли, он провел полжизни в лагерях, но остался жив. Умер в прошлом году.

– И они встретились снова?

– Да, и в ситуации довольно пикантной – она нанялась гувернанткой к его детям. И жена ни о чем не догадывалась.

– А жена, кто она?

– Врач, работала в лагере. Зовут Ольга, это она, в сущности, его спасла от лесоповала. Он очень хороший инженер-строитель, в том, еще первоначальном смысле слова.

– А в каком году они снова встретились?

– Не помню, кажется, в 60-е...

– Это очень важно, постарайтесь, пожалуйста, вспомнить! Она не всегда датировала стихи...

– Стихи?! – удивленно поднялись брови, совсем как у сына.

– Да, стихи... И очень хорошие, надо сказать, стихи... Она мне говорила, что их хвалила даже Ахматова...

– Ахматова?! – Лилечка, казалось, потеряла дар речи, – Вы уверены? Об одном ли человеке мы говорим?

– Ну да, о Зое Яковлевне Ямпольской, любимой женщине Вашего отца!

Эффект от использования припасенного козыря превзошел все ожидания. Лилечка открыла рот, закрыла, снова открыла, и так и осталась сидеть на стуле, нервно теребя на пальце колечко.

Анна Владимировна нарочито неуверенно роется в сумочке, находит письмо:

– А, вот оно, думала, забыла... Вот, это Вам Зоя писала еще в Мариуполь, но Вы не получили. А что, она ничего Вам так и не сказала?

Протянула письмо Лилечке, та взяла дрожащими от волнения руками. Пробежав его глазами, Лилечка побледнела, осела на стуле и словно стала задыхаться:

– Корвалолу!

Корвалол предусмотрительная Анна Владимировна тоже положила в сумочку загодя. Подсуетила, принесла водички, накапала, уложила Лилечку на кровать, прикрыла пледом, но письмо отобрала, сказав, что обязательно занесет, только сделает себе копию. Быстренько оделась, и серенькой мышкой выскользнула из квартиры, из этого дня.

Но цели своей достигла – когда вернулся домой «племянник», уже немного пришедшая в себя Лилечка сказала ему – «Представляешь, Аркадий мой родной отец, и, соответственно, твой дед, а Зоины стихи хвалила Ахматова!»

Теперь основная сюжетная линия была выстроена, и работать Анне Владимировне нужно было с собственными стихами. Она над ними словно медитировала, выискивая ассоциативную связь с судьбой Зои Яковлевны, словно ожидая ее одобрения. В самые странные, словно «просветленные» минуты Анне Владимировне мерещилось, что она и была Зоей Яковлевной в своем предыдущем воплощении, и искренне удивлялась, как могли два воплощения одного и того же встретиться в одном времени? Но, подумав, объяснила себе это тем, что разум и душа уже оставили Зою Яковлевну, перейдя в нее, Анну Владимировну, и встреча состоялась лишь с ее земной оболочкой. Иногда казалось, что работа называется «оживание в образ», и результатом должно быть такое серьезное качественное самоизменение Анны Владимировны, которое не может не привести к внешнему взрыву.

Путь уводил в сторону понемногу. Сначала Анне Владимировне показались чужими ее собственные стихи. Ее раздражала их бледность, искусственная выстроенность, бумажная вымученность. Потом ей показалась чужой своя собственная жизнь, пустая, без любви к себе обставленная квартира, одежда, не выявляющая, а маскирующая – а ведь она не так уж стара,

чтобы не чувствовать себя женщиной. Невразумительными вспоминались романы и драмы разрывов, предательства мелкими, а обещания копеечными. И только работа чувствовалась чем-то действительно стоящим, почти любимым. «Ну, и на том спасибо», – думала Анна Владимировна.

Зоя Яковлевна долго не появлялась. Анна Владимировна подозревала обиду, и мучительно гадала, чем она была вызвана? Ведь начиналось все вполне мирно. Так прошли январь и февраль. Обещание, данное Лилечке, Анна Владимировна выполнила – письмо действительно отдала, вызвав к себе очередную порцию доверия.

– Вы знаете, мы все, в общем, далеки от литературы... В семье медики, инженеры, естественники... Ну, от Зои можно ожидать чего угодно! А ведь как интересно, ведь все-таки Ахматова! И похвалила.

– Видите ли, этот факт очень хочется доказать, – осторожничала Анна Владимировна, – ведь говорила она мне в тот же год, что и умерла... А состояние ее – сами знаете...

– Нет, лично я ее сумасшедшей не считаю. Просто к старости стала чрезмерно экстравагантна. Но в опекунах не нуждалась, с бытом справлялась как любая женщина ее возраста...

– И она никогда не говорила, что пишет стихи?

– Сейчас мне кажется уже, что говорила... Но не показывала – точно.

«Нет, не годится, опять не годится», – отбрасывала Анна Владимировна одно собственное стихотворение за другим. Все они были рассудочны, если хотите, математически выстроены, а в стихах настоящей Зои Яковлевны была сумасшедшинка, и при всей их неумелости они казались живее. Тогда Анна Владимировна попыталась «причесывать» стихи Зои Яковлевны, но получалась тоже чушь, что называется ни уму, ни сердцу.

Работу же над настоящей биографией Анна Владимировна не прерывала. Правдами-неправдами добилась командировки в Москву, где проживала семья Аркадия Владиславовича. О ее визите Лилечка договорилась заранее: приедет, мол, милая женщина, она пишет книгу о моей крестной и вашей гувернантке. Жена была не только жива, но еще и довольно прилично выглядела для соперницы Зои Яковлевны – да она и была лет на двадцать моложе. «И правда, разве придет в голову ревновать к старухе?» – подумала Анна Владимировна. Сама Наталья Дмитриевна смогла дать такую характеристику Зое Яковлевне, какую только и может дать добрая барыня прислуге – «исполнительна, надежна, ответственна». Но вот ребята, которые уже давно выросли, вспоминали ее с нежностью, и большей частью какие-то общие тайные хулиганства – как кидались шишками в окно отделения милиции, и как выглядывало разъяренное лицо сержанта – «каждый раз на полтона выше» – так комментировала Зоя. Или как «убегали из дома» на целый день, взяв с собой луковицу и буханку хлеба, жили в лесу, строили шалаш, в котором прятались от «бомбежек», жарили хлеб прямо на костре. Они оба, и Саша, и Гриша, к большой удаче, в момент приезда Анны Владимировны оказались в Москве, хотя один читал лекции чуть не в Бостоне, а второй работал по контракту где-то в Австралии, «занимаясь тем же, чем и здесь, только за деньги». На похороны няни ни тот, ни другой просто не успели приехать, и очень об этом сожалели.

Весна приближалась. Ее звонкие шаги слышались то тут, то там, последний, рыхлый снег проваливался под ногами, находили среди льдов себе русло маленькие живые ручейки, журчали о чем-то без умолку. Детвора строила плотины, заводи и гавани, и даже среди совсем взрослых школьников нарасхват шли детские пластмассовые совочки. Анна Владимировна тоже чувствовала в душе подъем, даже купила себе цветной шарфик на шею, из дешевых, и губную помаду.

Зашла как-то и Зоя Яковлевна, чуть не по-соседски. Присела, барабаня пальцами по письменному столу, хитро взглянула на разложенные тетрадки. Анна Владимировна хотела было предложить чаю, но времени было жалко, столько вопросов хотелось задать.

– Задавайте, что с Вами делать, – прочитала ее мысли Зоя Яковлевна, – если не догадаться...

– Я про Ирину... Ирину Вы простили?

– Простила, не простила – какая разница? Дочку ее кто в войну кормил? Папашу-то, чай, расстреляли...

– Да, дочку Ирины и Аркадия, – задумалась Анна Владимировна, и вдруг что-то ее словно озарило: – так что, Вы всех его детей воспитывали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.